

Ю. С. Асеев

**О СТИЛЕВЫХ ЧЕРТАХ АРХИТЕКТУРЫ
ДРЕВНЕГО КИЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XI — НАЧАЛА XII в.**

Вторая половина XI — начало XII в. в истории древнерусской архитектуры обычно выделяются в стилистический этап, в котором еще сильны традиции архитектуры периода расцвета Киевской Руси (конец X — первая половина XI в.), по уже произошли значительные изменения в типологических и композиционных чертах зданий. Это был тот период, когда еще не померк блеск зодчества эпохи Ярослава Мудрого и Софийских соборов, по уже повое время — начало феодальной раздробленности Руси, новый характер отношений между князем и горожанами, гражданской и церковной властью, боярином и смердом и, наконец, между самими князьями оказали существенное влияние на строительный заказ и стилевые тенденции. Обычно эти новые тенденции принято связывать со строительством Успенского собора, в котором окончательно сформировался тип трехнефного крестовокупольного одноглавого храма, «божественная мера», и тип которого был десятки раз повторен в постройках XII в., в разных областях и разными архитектурными школами, подчас существенно отличавшимися друг от друга. Успенский собор не имел ни пятинефного плана, ни галерей, ни многоверхого завершения, ни башен — тех

черт, которые были характерными для построек предшествующего периода. И эти отличия были вполне закономерны. Заказчиком строительства тут был не князь, а монастырь с его жесткими требованиями церковного канона. Строители его принадлежали к иной архитектурной школе, чем та, которая возводила постройки Ярослава Мудрого. О приглашении мастеров из Царьграда подробно пишет Печерский Патерик, хотя были высказаны в науке мнения (Н. Н. Воронин), что рассказ Патерика являлся «церковно-политической легендой» и что строительство собора осуществлялось русскими мастерами. Эту мысль в какой-то степени подтверждают находки кирпичей со славянскими буквами и надписями (Н. В. Холоетенко), что относится не столько к руководителям строительства, сколько к мастерам, изготовлявшим кирпич. Да и дальнейшие записи Патерика о «греческих книгах» мастеров всё же дают основание считать, что строительство осуществлялось архитекторами византийской школы при вполне вероятном участии русских мастеров.

Архитектура Успенского собора Печерского монастыря исследована в достаточной степени, чтобы определить его стилевые черты и особенности.

Однако возникает немало споров по ряду частных вопросов реконструкции его первоначального облика, при решении которых подчас строятся далеко идущие выводы о том, к какому стилистическому этапу древнерусского зодчества следует отнести этот памятник. Прежде чем рассмотреть Успенский собор в контексте развития древнерусского зодчества, остановимся на этих вопросах.

Строительство собора начинается в 1072 г. Князь Святослав Ярославич дарит монастырю землю, жертвует некоторую сумму денег и принимает участие в заложении собора. Тип собора определял монастырь, в связи с чем тут просто не нужны были помещения, характерные для княжеских сооружений, предшествующие времени башни и двухъярусные галереи, заставлявшие ставить дополнительные купола — световые фонари, как в Софийских соборах Киева и Новгорода.

Одноглавность Успенского собора считалась бесспорной, что подтверждали и многочисленные иконографские материалы, на которых собор изображен одноглавым (гравюра А. Кальнофойского 1637 г.), и исследователи архитектуры собора И. В. Моргилевский (до его разрушения в 1941 г. фашистскими захватчиками), В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко, В. А. Харламов и др. Однако в последнее время были высказаны сомнения в том, был ли собор после землетрясения 1230 г. восстановлен в первоначальном виде или его сильно перестроили, сделав из пятиглавого одноглавым. Вопрос о том, мог ли быть собор первично многоглавым, поставил А. И. Комеч¹. То, что собор первоначально был пятиглавым, доказывала Н. Г. Логвин, считающая что все киевские сооружения второй половины XI — начала XII в. были пятиглавыми². Ее мнение основывалось на том, что пятиглавым был Спасский собор в Чернигове, а Успенский собор Печерского монастыря, подобно Спасскому собору, имел несколько повышенное по сравнению с боковыми перекрытие центрального нефа. Доказательство, прямо скажем, малоубедительное, так как Успенский собор, имея повышенную центральную

часть, что являлось композиционной особенностью здания, свободно мог не иметь ненужных ему функционально дополнительных глав.

Византийские мастера, строя монастырский собор, несомненно, соблюдали традиции сооружений такого типа, поскольку византийские монастырские храмы, как правило, были одноглавыми.

Все древнерусские постройки XII в., сооруженные по образцу Успенского собора Печерского монастыря, как то церковь Богородицы Пирогощи в Киеве, Успенский собор во Владимире-Вознесенском, Кирилловская церковь в Киеве, Успенский собор в Каневе и другие, точно соблюдая меру и тип Печерского прототипа, были одноглавыми, хотя и построены в иной строительной технике и имели иные стилиевые черты, характерные для своего времени и школы.

Убедительным аргументом того, что Успенский собор Печерского монастыря был одноглавым, являются изображения на нескольких миниатюрах Радзивилловской летописи, оригиналы которых были выполнены в 1206 г., то есть до разрушения собора в 1230 г. В одной из своих последних работ Б. А. Рыбаков указывает на важность и во многом достоверность радзивилловских миниатюр для реконструкции древнерусских зданий³. В доказательство того, что Успенский собор Печерского монастыря был первоначально одноглавым, можно привести еще ряд соображений, чему посвящена статья автора совместно с В. А. Харламовым⁴.

Одним из спорных при реконструкции первоначального облика Успенского собора Печерского монастыря является вопрос о наличии башни с лестницей, ведущей па хоры. Н. В. Холостенко, проводивший раскопки в юго-западном углу собора, обнаружил небольшой остаток древней кладки, примыкавшей к южной стене. По мнению исследователя, в этом фрагменте можно было увидеть намек на закругление, что дало основание считать этот фрагмент остатком башни (сама же башня, как считал Н. В. Холостенко, была разрушена землетрясением 1230 г.).

Проведенные В. А. Харламовым повторно в 1982 г. раскопки не подтвердили этой гипотезы. В этом месте были обнаружены остатки, как можно предположить, древней крипты XI в. Дальнейшие исследования здесь должны уточнить это предположение. Нам представляется облик Успенского собора таким, каким он был определен И. В. Моргилевским и изображен на первом варианте (без башни) реконструкции Н. В. Холостенко.

Следует остановиться еще на одном вопросе, имеющем важное значение для композиционных особенностей древнерусской архитектуры второй половины XI — начала XII в. Как известно, в византийской архитектуре фасады боковых нефов завершались карнизами, в то время как все известные древнерусские постройки XII в., в том числе те, которые построены по образцу Печерского собора, имели позакомарное завершение. Карнизное завершение фасадов боковых нефов зафиксировано в Киевской Руси лишь в одном здании — Спасском соборе в Чернигове, имевшем, кстати, много особенностей, отличавших его от традиций древнерусского зодчества. Карнизное завершение фасадов Успенский собор получил лишь после восстановления его после пожара 1718 г., до этого же времени, как видно на многочисленных гравюрах XVII в., он имел нозакомарное завершение. Есть все основания считать, что при восстановлении собора после землетрясения 1230 г. была восстановлена и первоначальная структура нозакомарных перекрытий, и можно в данном случае согласиться с А. И. Комечем, считавшим, что Печерский собор имел позакомарные перекрытия и продолжал в этом линию развития киевской архитектуры.

Пропорциональный строй Печерского собора отличен от построек предшествующего периода. В плане это шестистолпный (считаю возможным применение этого установившегося в науке термина с определенной условностью) крестовокупольный храм с тремя гранеными снаружи апсидами, четко выраженным нартексом и несколько приподнятым над боковыми частями пространственным архитектурным кре-

стом, что характерно для византийской архитектуры того времени. В пропорциях храма «божественная мера» — 20 в ширину и 30 в длину (23,75X35,5 м) — соответствовала мерам пояса Шимона Варяга. В размерах подкупольного квадрата (795 см), обычно определявших масштаб здания, отмечается определенная близость к подкупольному квадрату Киевской Софии (770 см). Но здание кажется значительно меньшим по сравнению с Софийским собором главным образом потому, что в нем была применена иная система соотношения больших и малых элементов. Формы Печерского собора лапидарны, их пропорциональный строй ограничен крупными плоскостями стен, расчлененных на всю высоту мощными лопатками. В отличие от живописной композиции с динамикой нарастающих сверху объемов, что так характерно для Киевской Софии, формы Печерского собора статичны, а в интерьере доминирует пространственная цельность. Собор не связан с окружением открытыми галереями, он противопоставляет себя наружному пространству. Живописность сохраняется лишь в традиционной для византийской и древнерусской архитектуры наружной обработке стен, отражавшей систему смешанной кладки «opus mixtum» и декора стен плоскими нишами, меандровыми поясами, обработкой главы полуколонками с закомарным завершением. Как доказал Н. В. Холостенко, внимательно исследовавший систему наружного декора собора, снаружи ряды камня заштукатуривались раствором. По нему вторично наносился слой тонкой штукатурки, разграфленный с внешней стороны «под квадраты», что имитировало византийскую кладку из кирпича и отесанных квадров камня. Эта система декора внешних стен впервые была применена в Десятинной церкви и прочно удерживалась до 20-х годов XII в. Наличие граффити XI в. на этом штукатурном слое как в Успенском соборе, так и в других памятниках этого времени (на западном фасаде Михайловского собора Выдубицкого монастыря, на фрагментах кладки церкви XI в. в усадьбе киевского Художественного института

и др.) решительно опровергает мнение Г. Н. Логвин о том, что все без исключения постройки древнего Киева были сплошь оштукатурены⁶. Конструктивного значения сплошная штукатурка не могла иметь, так как выступающий на фасадах кирпич имел прочность, значительно превышающую прочность раствора, а по заглаженным междурядовым поверхностям такая штукатурка не может крепко держаться, что мы неоднократно наблюдали при исследовании Софийского собора, когда штукатурку XVII в. можно было легко снять с поверхности древней кладки. Применение в ряде случаев штукатурки по заглаженным междурядовым поверхностям носило спорадический характер (оштукатуривание отдельных частей фасада под фресковую роспись, заглаживание неровностей стен, а иногда и значительных поверхностей фасадов, оштукатуривание в результате последующих ремонтов и перестроек и т. п.).

За два года до начала строительства Успенского собора в 1070 г. князь Всеволод Ярославич заложил Михайловский собор Выдубицкого монастыря. Его тип и архитектурные формы значительно отличаются от Печерского собора. Это было небольшое здание (15X24 м), имевшее в основе тип шестистолпного крестовокупольного храма с не совсем обычным для древнерусской архитектуры, сдвинутым к западу подкупольным пространством. Позднее к собору были пристроены нартекс с выступающей на северном фасаде лестничной башней и прямоугольная в плане пристройка с восточной стороны южного фасада, которую М. К. Каргер считал высоким башнеобразным сооружением, «в композиционном отношении переключившимся с мощной башней у северо-западного угла собора»⁷. Завершившийся тремя верхами Выдубицкий собор при всей оригинальности его композиции имел черты, сближающие его с княжеским строительством предшествующего времени. По справедливому мнению М. К. Каргера, ближе всего он был к заложенному в 1070 г. Борисоглебскому собору в Вышгороде с его отнесенным к западу подкупольным

пространством и осевой композицией. На миниатюрах Радзивилловской летописи этот храм изображен как трехкомарный, с одним верхом. Очевидно, собор строили мастера Ярославичей. Что же касается Выдубицкого собора, то пятиглавым он не мог быть потому, что боковые главы функционально и композиционно были не нужны, и потому, что боковые нефы имели ширину немногим более 2 м, в то время как размер подкупольного квадрата 6x6 м. Что же касается части паруса, обнаруженного над западным компартиментом, принятым Н. Г. Логвин за остаток боковой главы, то, очевидно, это был остаток купольного свода, перекрывавшего компартимент, как в Спаском соборе в Чернигове.

Вероятно, к строительству Святослава Ярославича следует отнести церковь в усадьбе Художественного института, фундаменты которой были раскопаны М. К. Каргером в 1947 г. Возможно, это был собор Симонова монастыря, построенный на Кольцевом конце Святославом Ярославичем, ставший в дальнейшем «вотчим» монастырем династии черниговских князей. Вероятно, поэтому князь Святослав Всеволодович в конце XII в. построил возле него свой Новый двор.

Церковь в усадьбе КГХИ также имеет вытянутый по оси план, но в ней отсутствуют и башня, и какие-либо иные пристройки. Это был уже в чистом виде шестистолпный крестовокупольный храм, близкий по типу к Печерскому собору, но иного пропорционального строя. Его размер 10X18,5 м. Узкие боковые нефы, как и небольшие размеры здания, исключают возможность сооружения боковых глав. М. К. Каргер склонен был считать, что этот храм — одна из первых попыток разработки нового типа здания⁸. В раскопках обнаружены фрагменты упавшей стены с заштукатуренными и разграфленными под квадраты полосами между рядами кирпичей, а также остатки меандрового фриза, характерного для зданий того времени. Никаких следов штукатурки на внешних поверхностях блоков обнаружено не было.

Интереснейшим сооружением Киева

конца XI в. был собор Кловского монастыря, построенный в 1090 г. бывшим игуменом Печерекого монастыря Стефаном. Стефан принимал участие в строительстве Печерекого собора, но Кловский собор был, несомненно, построен другой строительной школой. Раскопки П. П. Толочко, Н. И. Мовчава и В. А. Харламова в 1974—1975 гг. остатки собора дали данные для реконструкции его плана. При раскопках была обнаружена сетка рвов ленточных фундаментов, в которой ясно читается трехнефная центральная часть при ширине центрального нефа 380 см, что соответствует распространенной для среднего размера церквей мере в 12 греческих футов (церковь Спаса на Нередице, церковь XII в. в усадьбе Художественного института, Борисоглебская церковь в Гродно, Михайловская церковь в Остре и др.). Ширина боковых нефов не превышает 2 м. При этом общая ширина центральной части равна 12,5 м, длина около 28 м, то есть храм был сильно вытянут в длину подобно Борисоглебскому собору в Вышгороде.

Кловский собор окружали два пояса помещений — двухъярусные галереи, заканчивающиеся на востоке апсидами, и одноярусные, перекрытые, очевидно, стропильной крышей, так как они не имеют поперечных ленточных фундаментов. С западной стороны находились несколько помещений, возможно атрий, крещальня и лестничная башня. Тип здания — комплекса монастырских помещений в одном сооружении — единичен в древнерусской архитектуре. Кое в чем он напоминает Десятинную церковь, которая, как и Кловский собор, была посвящена Влахернской Богоматери.

Г. Н. Логвин предложил другой вариант реконструкции, в котором все центральное пространство с сетью ленточных фундаментов перекрывается огромным куполом на восьми опорах, — тип, неизвестный в древнерусском зодчестве и редкий в византийском¹⁰. Нам представляется, что перекрыть невиданным по величине куполом пространство размером 10X14 м ни для древнерусской, ни для византийской архитектуры технически невозможно (наибольшие

купола на восьми опорах в монастырях Дафни и Осиас Лукас не превышают 8,5 м). К тому же при таком перекрытии остается бесполезной сеть ленточных фундаментов в центре собора.

Деятельность печерской школы можно проследить на других каменных постройках Киева. В конце XI — начале XII в. у северо-западного угла Успенского собора строится Ивано-Предтеченская крещальня в виде миниатюрного четырехстолпного храма с двумя ярусами. В нижнем находилась крещальня, в верхнем — капелла. Церковка была обмерена И. В. Моргилевским до разрушения собора и тщательно исследована Н. В. Холостенко в 1970—1972 гг. Исследования показали, что крещальня, как и вся северная сторона Успенского собора, не была разрушена землетрясением 1230 г. и сохраняла до взрыва свои первоначальные формы, в том числе главу с характерным для XI в. завершением полуциркульными закомарками. Особенностью главы является ее восьмигранное наружное очертание и смещение к югу, что было вызвано желанием композиционно увязать объем крещальни с собором, так как между собором и крещальней оставалось пространство, где находилась лестница, ведущая на хоры. Архитектура крещальни хорошо прослеживается на многочисленных гравюрах XVII—XVIII вв. и, как установил Н. В. Холостенко, дает бесспорные данные о позакомарном завершении ее фасадов¹¹.

Несомненно, печерской архитектурной школе принадлежит построенная около 1108 г. Троицкая надвратная церковь, прекрасно сохранившая под позднейшими наслоениями первоначальные формы. Это четырехстолпный крестовокупольный храм над воротами с позакомарными завершениями фасадов, что хорошо видно на южном фасаде и на старых гравюрах с характерным декором плоскостей фасадов плоскими нишками. Церковь построена в той же технике, что и Успенский собор (с некоторым различием в размере кирпича).

В 1108 г. печерские мастера начали строительство каменной трапезной палаты и вскоре — каплицы («божонки»)

для княгини Евстафии у западного фасада собора. В 1985 г. В. А. Харламовым были раскопаны неподалеку от собора фундаменты каменной постройки конца XI — начала XII в. Была ли это трапезная 1108 г.— покажут дальнейшие исследования памятника.

Несомненно, работе мастеров печерской школы принадлежал собор Михайловского златоверхого монастыря, заложенный в 1107 г. князем Святополком Изяславичем. До разборки собор под позднейшими наслоениями почти полностью сохранял свои первоначальные формы вплоть до главы. В XVII—XVIII вв. были пробита только стена в нижнем ярусе, уничтожена лестница, ведущая на хоры, разобрана крещальня и возведены боковые главы, для чего частично потребовалось переложить своды. Собор был тщательно обмерен и изучен И. В. Моргилевским в 1934—1935, им же выполнена реконструкция южного фасада.

Михайловский собор построен в ту пору, когда у князя Святополка создались тесные отношения с Печерским монастырем, и вполне естественно ему было пригласить для строительства собора мастеров этой школы. Как показали исследования, Михайловский собор был почти копией Печерского, лишь в уменьшенном виде. Некоторые отличия состояли в том, что крещальня поставлена не с левой, а с правой стороны, и в северной части нартекса устроена лестница с входом на хоры. Центры закомар фасадов расположены на одном уровне, в то время как в Печерском соборе центральная закомара приподнята. Незначительные отличия были и в пропорциональном строе, хотя общие размеры (соотношения сторон 2 к 3) выдержаны точно. Собор не был разрушен землетрясением 1230 г. О том, что он, бесспорно, был одноглавым, свидетельствуют рисунки XVI и XVII вв. (Груневега Кальнофойского, Вестерфельда), а также миниатюры Радзивилловской летописи. Приписка Никоновской летописи к статье Повести временных лет о заложении собора, что он будто бы был «о пятнадцати веряхх», является сплошным вымыслом летописца XVI в., никогда не бывавшего в Кие-

ве. Тут уместно вспомнить слова крупнейшего знатока древнерусских летописей М. Н. Тихомирова: «Составители Никоновской летописи не довольствовались простой передачей и?уветств о событиях, но переделывали их на свой лад... Переделки и искажения древних текстов Повести временных лет в Никоновской летописи настолько значительны, что нельзя и говорить о какой-либо их достоверности»¹². В связи с этим решительно следует отвергнуть мнение Н. Г. Логвин о первоначальной пятиглавости Михайловского собора¹³.

Последним по времени зданием архитектуры Киева, где применена традиционная полосатая структура декора стен, была церковь Спаса на Берестове, строительство которой связывают с Владимиром Мономахом, княжившим в Киеве с 1113 по 1125 г. Все исследователи отмечают отсутствие в церкви камня (кроме забутовок мелким булыжником) и кладку исключительно системой западающих рядов. От здания уцелел лишь нартекс с крещальней в северной стороне и башней с юга, выступающими ризалитами на северном и южном фасадах церкви. Вся основная часть здания известна лишь по фундаментам, исследованным П. П. Покрышкиным в 1909—1914 гг. Предложенная исследователем реконструкция плана с четко выделенным нартексом и четырьмя свободно стоящими крещатыми в плане столбами не вызвала возражений ни у кого из исследователей древнерусской архитектуры. Для объемной реконструкции церкви материалов, не было, так как вся восточная часть разрушена до ее восстановления в 1640 г. В настоящее время имеются три попытки реконструкции здания, причем все три гипотетичны.

В реконструкции В. А. Харламова и автора настоящей статьи церковь предг ставлена как большой крестовокупольный храм, близкий по типу к Печерскому собору, увенчанный одной главой в центре здания и двумя — над крещальней и лестничной башней, подобно современникам церкви Спаса — соборам Антонового и Юрьевого монастырей в Новгороде. Три притвора пере-

крывались трехлопастным сводчатым перекрытием¹⁴.

Г. М. Штендер предложил вариант реконструкции с трехлопастным завершением фасадов, подобно тому, как это будут делать строители в конце XII в. Как нам думается, такое завершение было бы логичным при малой ширине боковых нефов. В данном же случае их ширина в большей мере подходит для позакомарного завершения.

Н. Г. Логвин предложила реконструкцию с пятиглавым завершением церкви и покарнизным завершением боковых частей ее фасадов. Такое решение выпадает из обычных для конца XI — начала XII в. композиционных приемов и известно в это время лишь в одном памятнике — новгородском Николо-Дворищенском соборе, в котором зодчие явно подражали пятиглавой композиции, стоявшей на другой стороне Волхова, — Новгородской Софии.

Общая картина киевской монументальной архитектуры второй половины XI — начала XII в. вырисовывается в таком виде. В это время в Киеве работали мастера различных школ, что сказалось на разнообразии типологических и композиционных черт, хотя все они не выходят за рамки средневизантийской, главным образом столичной, архитектурно-строительной традиции. Если в архитектуре Дмитриевского собора, построенного в 60-х годах XI в. мы еще можем видеть черты работы зодчих, строивших здание времени Ярослава Мудрого, то уже в 70-х годах в Печерском монастыре возникает своя архитектурная школа с четко выработанной системой форм и пропорций. Что же касается группы построек, связанных со строительством Ярославичей, то несмотря на то, что все постройки в общем варьируют схему крестовокупольного храма с четкой осевой композицией, что, как можно думать, идет от традиции Десятинной церкви, они все имеют такие индивидуальные черты, что едва ли можно согласиться с П. А. Раппопортом, считавшим, что тут действовала одна и та же артель византийских мастеров, переходивших от одной постройки к другой¹⁷.

К тому же едва ли можно говорить о деятельности одной артели на протяжении полустолетия, скорее, тут речь может идти о киевских традициях данного этапа развития древнерусского зодчества. В этот период в Киеве и его окрестностях было построено 18 каменных зданий, гораздо больше, чем в предыдущий и последующий периоды. Особенности архитектуры этого периода, в котором еще были живы традиции предшествующего времени, но уже формировались черты будущих стилиевых форм, характерных для XII в., говорят о том, что киевскую архитектуру второй половины XI — начала XII в., бесспорно, можно выделить в отдельный период истории древнерусского зодчества.

¹ *Комеч А. И.* Византийская архитектура IX—XII вв. и архитектура Киева конца X — начала XII в. : Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1971. — С. 17.

² *Логвин Н. Г.* Церковь Спаса на Берестове в Киеве // Строительство и архитектура. — 1983. — № 7. — С. 28.

Рыбаков В. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII вв. // *Рыбаков В. А.* Из истории культуры древней Руси. — М., 1984. — С. 188—240.

Асеев Ю. С., Харламов В. А. Об архитектуре Успенского собора Печерского монастыря в Киеве // Архитектурное наследство. — М., 1986. — № 34.

³ *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. — М., 1961. — С. 73.

⁴ *Логвин Г. Н.* О первоначальном облике храмов Киевской Руси // Архитектура Киева. — К., 1982. — С. 62—70.

⁵ *Каргер М. К.* Древний Киев. — М.; Л., 1961. — Т. 2. — С. 308—309.

⁶ *Там же.* — С. 402.

⁷ *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Мовчан И. И.* Дослідження архітектури Київського собору у Києві // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 37—46.

⁸ *Логвин Н. Г.* Архитектура храма на Киеве // Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. — Киев, 1980. — С. 72—76.

⁹ *Холостенко М. В.* Нові дослідження Івано-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 137.

¹⁰ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. — М., 1979. — С. 338.

¹¹ *Логвин Н. Г.* Церковь Спаса на Берестове в Киеве. — С. 28.

¹² *Асеев Ю. С., Харламов В. О.* Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва. — К., 1979. — С. 84—90.

¹⁵ Штендер Г. М. Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры. Новые открытия.— Л., 1981.— С. 534-543.

¹⁶ Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове.— С. 28.

¹⁷ Раннопорт П. А. Зодчество древней Руси.— Л., 1986.— С. 34.